

Содержание

От составителя.....	6
Наталия Шаховская-Шик.....	9
Рассказы о детях	
Никита.....	13
Утро.....	17
Каприз.....	20
Коклюш.....	24
В зимний день.....	26
Сорока.....	28
Аму-Дарья.....	30
Вечерняя молитва.....	38
Корь.....	40
Нина Костюкова.....	45
Здравствуйте, я ваша тетя!	
Родственный визит.....	47
Тёма и киндер-сюрприз.....	47
Тёма и конкурс мягкой игрушки.....	48
Тёма и ларек.....	49
Тёма и забор.....	50
Тёма и Соня.....	53
Катя, Тёма и я.....	53
Тёма и Андрей Болконский.....	55

Тёма — «Король Лир»	56
Вымоленная лягушка	58
Усвоил	60
Дар слова	61
Ночной разговор	62
Умная Маша	63
Машка взрослая	63
Разговор по телефону	64
«Опять я первая!»	64
Тайм-менеджмент	65
Сомнения прочь	67
Каникулы	68
Один концерт	68
 Ксения Курякова	 69
По лестнице	
Часть 1	
Небо закрывается на ночь	73
Часть 2	
По лестнице	116
 Елена Утенкова-Тихонова	 167
Елка в комнате	
Качели	171
Конфеты	176
Дорога	179
Дождь	183
Дерево	187
«Нэморэ»	191
Река	195

Инна Ковалёва.....	203
Дети говорят с вами	
Вступление.....	211
Друг	212
Стыд.....	218
Молитва.....	221
Конфета	229
Он молчит	232
Обещание	239
Крик.....	243
Семья.....	253
Письмо.....	255

От составителя

В сборнике «Поговори со мной» представлены рассказы и повести пяти авторов — Наталии Шаховской-Шик, Нины Костюковой, Ксении Куряковой, Елены Утенковой-Тихоновой и Инны Ковалёвой. Несмотря на разницу эпох (рассказы Наталии Шаховской-Шик написаны в 30-х годах прошлого века, остальных авторов — в начале нашего) и художественных стилей, эту прозу многое объединяет. В ней мало событийности, развернутой сюжетности, зато есть развернутая линия задушевного разговора взрослого с ребенком, внимательность к детскому переживанию, слову, поступку. Это искренний разговор о самом главном, в котором автору важно передать все: и интонацию, и контекст, и жест — любую мелочь. Упусти ее, и дух такого общения, объемность смысла уйдут, не откроются читателю. Ведь часто именно в нюансах, оговорках, в случайном смущенном движении, а иногда даже в «насупленном» молчании так ярко проявляется открытость детской души, которая для чувствующего взрослого и становится самым важным разговором о главном. В книге много наблюдений, много еле заметных, вскользь отмеченных милых оттенков в описании

самых простых бытовых ситуаций, — к их «уловлению» особо склонен женский любящий глаз, неслучайно все авторы сборника — женщины. Главная «движущая сила» книги — это глубокая, разумная и самоотверженная любовь женщины к ребенку, их удивительное творческое общение. Это движение двух существ друг к другу на основе полного доверия. И это совершенно реальные отношения, далекие от какой-то приторной идеальности, в них все делают ошибки — и дети, и взрослые — и вместе из них выбираются. Завершается сборник текстами автора-психолога, работающего в интернате для детей, лишенных родительской опеки. Вот уж где и в помине нет даже отблесков гармонии между детским миром и взрослым. Что случается с детской душой, когда она годами растет без родительской любви, и что происходит с ней, когда редкие сигналы этого внимания, милосердия, тепла, доброты вдруг достигают глубин детского страдающего существа, сильно и убедительно описано в рассказах Инны Ковалёвой.

Наталья Виноградова

Наталия

Шаховская-Шик

Автор этих рассказов — Наталия Дмитриевна Шаховская-Шик, мать пятерых детей, жена священника о. Михаила (Михаила Владимировича) Шика, расстрелянного в 1937 году «за активное участие в контрреволюционной организации церковников-нелегалов».

Она была третьим ребенком в семье князя Дмитрия Ивановича Шаховского (внука декабриста Ф.П. Шаховского), земского деятеля, члена ЦК партии конституционных демократов, одного из министров Временного правительства, последние годы своей жизни посвятившего изучению философского и литературного наследия П.Я. Чаадаева. Князь Шаховской также был расстрелян в 1938 году в возрасте 76 лет «как участник контрреволюционного заговора».

Наталия Дмитриевна родилась в 1890 году в с. Михайловском(имении деда) близ Ярославля, училась в Ярославской женской гимназии; в 1913 году закончила исторический факультет Московских высших женских курсов, и с 1912 по 1917 год работала в издательстве Константина Федоровича Некрасова, где опубликовано несколько ее работ — исторические очерки, биография В.Г. Короленко, положительно оцененная им самим, статья памяти А.П. Чехова и др.

После революции она сменила литературную работу на общественную — заведовала культурно-просветительским отделом Дмитровского Союза кооперативов; затем, поселившись в Сергиевом Посаде, преподавала в местном педагогическом техникуме. За это время она прошла путь от детской веры в Бога, через потерю ее, к новому, уже взрослому осмыслению своей веры, которую пронесла через всю остальную жизнь.

Выйдя в 1918 году замуж за крестившегося еврея — Михаила Шика, который позднее, в 1927 году, в ссылке принял священнический сан, она первые годы супружества оставалась бездетной, очень тяжело переживала это (врачи ничего не обещали), и появление на свет в 1922 году первенца — Сергея восприняла как великое чудо, но при этом ей пришлось сделать трудный выбор. Рождение ребенка, по мнению врачей, грозило повлечь за собой новую вспышку туберкулеза, перенесенного ею в 1914–1915 годах, и болезнь могла оказаться смертельной. Наталия Дмитриевна, выяснив, что будущему ребенку ничего в этом случае не грозит, категорически отвергла аборт, сказав, что «жизнь за жизнь — это не так уж дорого». После этого она родила еще четверых детей.

С чувством благоговения и пристальным вниманием она относилась и к своим, и к чужим детям, записывала (особенно о первых трех) все, что казалось ей важным для понимания их внутренней жизни. Позднее, в 30-е годы, эти записи оформились в маленькие рассказы, которые писались «в стол» и впервые были опубликованы лишь в 1997 году. <...> Все действующие лица — реальные дети со своими подлинными именами: Никита — сын художника Владимира Андреевича

Фаворского, большого друга о. М.; Сережа, Маша, Лиза (Елочка), Дима и Николенька — дети Н.Д. и о. М. с разницей в возрасте 1,5–2–3 года; Таня и Алеша — дети еще одного друга семьи — священника отца Сергия Сидорова.

Затем Наталии Дмитриевне довелось пережить арест мужа (в 1937 году) и неизвестность о его судьбе, бытовые и моральные тяготы немецкой оккупации в городке Малоярославце (октябрь — декабрь 1941 года). Кроме бомбежек, голода и холода (а семья в это время выросла до 12 человек, так как вокруг нее, кроме собственных детей, собрались родные и неродные старушки, бежавшие от московских бомбежек и малоярославцевской бесприютности), было и самое страшное — вызов в немецкую комендатуру и указание явиться с детьми (полуеврейской крови) 24 декабря. Детям (17, 15, 13 и 11 лет) грозила отправка в гетто. Никакие справки о том, что ее муж и дети — православные, не играли роли: имела значение только кровь... И что же? 24–26 декабря комендатура не работала — Рождество! В ночь на 27-е начался обстрел города подошедшими нашими войсками, комендатура спешно выехала, а 1 января 1942 года в город вошли наши части. И такие чудеса сопровождали Наталию Дмитриевну всю ее жизнь.

Однако здесь она уже не устояла против своего давнего врага — туберкулеза и умерла в Московском туберкулезном институте 20 июля 1942 года.

Елизавета Михайловна Шик

Рассказы о детях

Никита

Никиту разбудили в 4 часа утра. Было совсем темно, и он долго не мог понять, зачем надо вставать, хотя мама с вечера и говорила ему, что они ночью поедут на поезд. Поезд шел в 6 часов утра. Днем ли, ночью ли, все равно надо было ехать на вокзал через всю Москву на салазках, потому что ни трамваи, ни автобусы по Москве не ходили.

Был 1919 год.

Никита спросонья сердился и брыкал свою маму ногами. А мама растерянно и жалобно повторяла:

— Ну Никита, ну Никита же! Ведь дядя Миша за нами приехал.

Мама была очень кроткая и никогда не сердилась, но часто плакала, потому что папа был на фронте.

Никиту все-таки одели, вывели на улицу и усадили на мягкие вещи на салазках.

И когда дядя Миша повез салазки по пустым и сонным улицам, Никита подумал, что ночью ездить лучше, чем днем: все видно, но все другое, на себя непохожее.

Была оттепель, хотя стоял конец декабря. Салазки плохо шли по талому снегу. Дядя Миша

часто останавливался и вытирал лоб. Мама подходила сзади и спрашивала:

— Никита, ты не спишь, не упадешь?

Никита отвечал, подумав:

— Не сплю.

В поезде его усадили у окна, и он не спеша пожевал кусочек черного хлеба, который мама достала из кармана.

— Что, Никита, — спросил дядя Миша, — ты рад опять ехать в Сергиево?

Никита сначала поднял брови, потом открыл рот и опять его закрыл, потом открыл и наконец сказал:

— Да.

И через три минуты:

— Там лучше.

— Чем же там лучше? — продолжал спрашивать дядя Миша.

Никита ответил после размышления:

— Там цветы.

— Ну, — сказал дядя Миша, — теперь зима и цветов нет.

— Травка, — сказал Никита, еще подумав.

— И травки нет, везде снег.

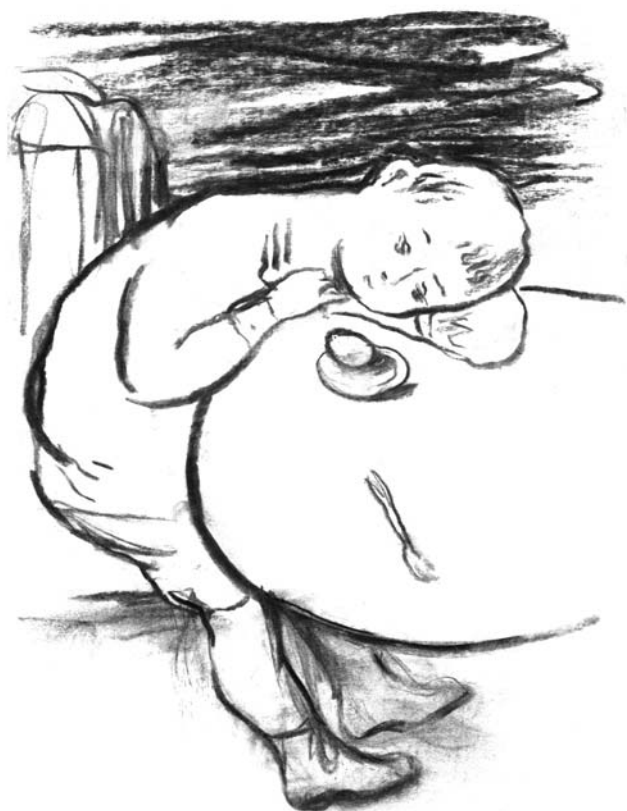
Никита думал очень долго и наконец сказал:

— Деревья.

— Вот это так, — сказал дядя Миша. — Но ведь и в Москве есть деревья.

Никита помолчал. Но минут через пять он опять открыл рот.

— Москва — это вроде пустыни, — сказал он.

— Ну? — удивился дядя Миша. — Разве в пустыне есть дома? А людей-то в Москве сколько!

Но Никита уже ничего не отвечал. Он подумал, что дядя Миша, наверное, понимает, что он хочет сказать, а только ему хочется поговорить. А это так и было на самом деле.

В Сергиеве Никита с мамой должны были жить при детском клубе, где мама получила место. Но пока комната их была не устроена, дядя Миша взял их к себе. Он жил со своей женой в маленьком домике на краю города. Никите нравилось, что домик и все в нем маленькое, точно игрушечное: маленькие комнатки и кухня маленькая, а печка большая. И тепло.

Разбирали вещи, и день прошел очень быстро. А вечером мама сказала, что у нее есть для Никиты яичко, и пошла его варить. Никита же залез на кровать и нечаянно заснул.

Проснулся он только утром и сейчас же спросил:

— Мама, а где яичко?

— Вот оно, — радостно сказала мама, — кушай с хлебом.

Но Никита долго что-то соображал и наконец заплакал.

— Что с тобой? — растерянно спрашивала мама. — О чем ты плачешь?

— Я хочу вчера съесть яичко, — сквозь слезы отвечал Никита.

И он долго не мог утешиться, потому что понял невозвратимость прожитого дня.

Никите было 4 года.

Утро

Сережа только что встал.

Няня его умыла и застегнула ему все пуговицы.

После этого он отправился в обход.

Сначала к папе, который как раз проснулся.

— Папа, ты сто?

— Я ничего. А ты что?

Сережа тоже хочет сказать «ничего», но у него это выходит так:

— Ни-сю-во.

При этом круглая его рожица расплывается, и папе очень хочется поймать Сережу и поцеловать, но он уже у мамы.

Мама держит на руках новую, недавно родившуюся сестричку.

— Мама, ты сто?

— Я детку кормлю. А ты что?

— Ни-сю-во.

Сережа улыбается, и мама тоже. А детка еще не умеет улыбаться. Она только сосет и косится на Сережу одним глазом.

Теперь в кухню, к няне.

— Няня, ты сто?

— Я самовар ставлю. А ты что?

— Ни-сю-во.

Сережа трогает самовар пальцем и, наскоро обменявшись с няней улыбками, бежит в столовую к бабушке.

— Бабуська, ты сто, сидишь?

— Сижу, милый, чулок штопаю. А ты что?

— Ни-сю-во.